

СОДЕРЖАНИЕ

Ворота Расёмон	3
Обезьяна	11
Носовой платок	19
Mensura Zoili	30
Удача	37
Один день из жизни Оиси Кураноскэ	48
Рассказ о том, как отвалилась голова	63
Кэса и Морито	75
Муки ада	86
Учитель Мори	124
Мандарины	141
Сомнение	146
Жулиано-Китискэ	163
Верность Вэй Шэна	167
Осень	170
Рассказ об одной мести	188
Нанкинский Христос	206
Подкидыш	221
Вальдшнеп	229
Странная история	241
В чаше	248
Генерал	260
Усмешка богов	286

Вагонетка	301
Повесть об отплате за добро	308
Сад	329
Благородная девица Рокуномия	340
Чистота О-Томи	351
О-Гин	364
Снежок	373
А-ба-ба-ба-ба	384
Клочок земли	395
Куклы-хина	410
Холод	427
Обрывок письма	434
Лошадиные ноги	441
Социалист	459
Поминальник	462
Диалоги во тьме	471
Приют журавля	482
Шестерёнки	503
Жизнь дурака	545

ВОРОТА РАСЁМОН

Дело было на закате. Один слуга решил переждать дождь под воротами Расёмон.

Кроме него, под массивными воротами никого не было — лишь одинокий сверчок сидел на столбе, с которого облупилась красная краска. Ворота Расёмон находились в самом центре столичного города Киото, на улице Судзаку; можно было ожидать, что хотя бы несколько горожан — женщин в широкополых соломенных шляпах или мужчин в мягких шапочках-момиэбоси — захотят здесь укрыться. Но нет, кроме нашего слуги вокруг не было ни души.

За последние два-три года на столицу обрушилось множество бедствий: землетрясения, тайфуны, пожары, голод — так что пустые улицы стали делом обычным. В хрониках эпохи Хэйан¹ говорится, что в то время буддийские статуи и алтари разрушали, чтобы продать на дрова, и обломки, выкрашенные красной краской и позолоченные или посеребрённые, были свалены грудями у дороги. Пока столица была в упадке, никто не думал о том, чтобы чинить ворота Расёмон, и их, воспользовавшись общим за-

¹ Эпоха Хэйан — период в японской истории (794–1185). — *Здесь и далее примеч. пер.*

пустением, облюбовали лисы, тануки¹ — а также воры. Дошло до того, что у ворот стали бросать трупы, которые некому было похоронить, и место стало внушать такой ужас, что теперь уже все обходили его стороной после захода солнца.

Вместо людей у ворот стали собираться огромные стаи воронья. Целыми днями они с карканьем кружили над высокой черепичной крышей, а по вечерам, в алых закатных лучах, рассыпались по небу, будто семена кунжута. Ворон, конечно же, привлекала мертвечина. Сейчас, впрочем, их видно не было — быть может, оттого, что час был уже поздний. Лишь на раскрошившихся каменных ступенях, где сквозь трещины проросла высокая трава, там и сям белел вороний помёт. Наш слуга, всецело поглощённый выскочившим на правой щеке прыщом, с рассеянным видом смотрел на струи дождя, прикрывшись в обтянутых линиях синих шароварах на верхней из семи ступеней.

«Слуга решил переждать дождь», — сказали мы. На самом деле наш герой понятия не имел, куда податься, когда непогода кончится. Будь всё, как обычно, его ждал бы хозяин — но тот несколько дней назад дал ему расчёт. Ведь, как мы помним, столица переживала трудные времена — и слуга, после долгих лет службы оставшийся без работы, являл собой ещё одну приметку времени. Так что правильнее было бы сказать не «слуга решил переждать дождь», а «безработный слуга, застигнутый дождём, сидел, не зная, куда идти дальше». Сама погода вводила беднягу

¹ Тануки — енотовидные собаки, в российских переводах обычно называемые «барсуками». По японским поверьям, тануки, как и лисы, могут быть оборотнями.

в меланхолию. Дождь зарядил ещё в час Обезьяны, то есть в четыре пополудни, и не думал прекращаться. Слуга пытался придумать, как бы заработать денег, чтобы не остаться завтра голодным, но в голову ничего не приходило, и он сидел, слушая — но одновременно будто не слыша — льющийся на улице Судзаку дождь.

Пелена дождя полностью заволокла ворота Расёмон. Издалека слышались раскаты грома. Опускалась ночная тьма, и, стоило поднять голову, казалось, будто тучи повисли на самом коньке двускатной крыши.

У человека в безвыходном положении мало выбора. Захочешь остаться честным — умрёшь от голода во рву или на обочине дороги, а потом тебя принесут к этим самым воротам и бросят, как собаку. А не захочешь... мысли слуги, всё время бегавшие по одной и той же колее, наконец дошли до этой развилки. Впрочем, «если» пока так и оставалось «если». Уже решив про себя, что теперь не до честности, он всё никак не мог через это «если» переступить — ему недоставало смелости, чтобы сказать себе: «Ну что ж, делать нечего — пойду воровать».

Он громко чихнул и с трудом поднялся на ноги. Ближе к ночи похолодало так, что хотелось погреться у огня. Под воротами теперь гулял ветер, сидевший на облупленном столбе сверчок куда-то исчез.

Слуга втянул голову в плечи, поднял ворот синего кимоно, надетого поверх жёлтого исподнего, и обвёл ворота глазами, высматривая местечко поудобнее, где можно переночевать подальше и от ветра с дождём, и от чужих глаз. Тут, по счастью, он заме-

тил широкую, выкрашенную той же красной краской лестницу, ведущую в надстройку над воротами. Вряд ли там наверху мог скрываться кто-то, кроме мертвецов. Осторожно, следя, чтобы меч с простой деревянной рукоятью не выскользнул из ножен на поясе, слуга поставил на нижнюю ступень лестницы ногу в соломенной сандалиии-дзори.

Прошло несколько минут. Сжавшись в комок, будто кошка, и почти не дыша, на ступенях широкой лестницы в воротах Расёмон таился человек. Свет, падающий со второго этажа, осветил его правую щёку, где среди короткой щетины краснел налившийся прыщ. Наш герой думал, что наверху нет никого, кроме разве что мёртвых тел, но стоило подняться чуть выше, и оказалось, что там горит свет — и не просто горит, а движется! Это было понятно по тому, как дрожали тусклые жёлтые отблески, освещая паутину в углах под крышей. Кто мог зажечь огонь над воротами Расёмон в эту дождливую ночь? Точно не простой человек!

Слуга бесшумно, будто ящерица, взобрался по крутой лестнице и очень осторожно, стараясь распластаться по ступенькам и держать голову пониже, заглянул на верхний этаж.

Слухи не ввали: наверху валялись небрежно брошенные трупы — сколько, непонятно, потому что круг света был меньше, чем казалось снизу. Видно было только, что некоторые в одежде, а некоторые обнажены. Мужские и женские, они раскинулись на полу с открытыми ртами и разбросанными руками, похожие на глиняных кукол — настолько сильно было сходство, что даже появлялась мысль: а точно ли они прежде были живыми людьми? Тусклый свет

выхватывал из тьмы выступающие части — плечи, грудь, а всё остальное оставалось в глубокой тени; мертвецы навеки погрузились в молчание.

Слуга зажал нос, спасаясь от вони разлагающихся тел, но в следующий момент опустил руку, потрясённый настолько, что напрочь забыл о запахе.

Он заметил скорчившуюся среди трупов человеческую фигуру: это была старуха, похожая на обезьяну, совершенно седая, мелкая, тощая, в коричневом кимоно. Сжимая в руках сосновую лучину, она вглядывалась в одно из мёртвых лиц — женское, судя по длинным волосам.

Слуга забыл, как дышать: на две трети им владел страх и на одну — любопытство. Как написано в старой хронике, «волосы у него встали дыбом». Тут старуха воткнула лучину между досками пола и потянулась к голове трупа, которую рассматривала. Осторожно, будто обезьяна, ищущая блох у детёныша, она стала перебирать длинные пряди, и они, волосок за волоском, кажется, оставались у неё в руке.

По мере того, как старуха выдирает у трупа волосы, страх в душе слуги понемногу утихал, сменяясь жгучей ненавистью к старухе... Впрочем, нет — не совсем так. Не к старухе чувствовал он ненависть в тот момент, но к самому злу, и это чувство крепло с каждой секундой. Это был уже не тот человек, что сидел под воротами: пожалуй, сейчас, выбирая между голодной смертью и жизнью вора, он без колебаний выбрал бы смерть. Ненависть ко злу вспыхнула в его сердце так же ярко, как сосновая лучина в полу.

Конечно, наш герой не понимал, зачем старуха вырывает волосы, — а значит, строго говоря, не мог и судить о том, зло она творит или добро. Но ему

достаточно было знать, что ненастной ночью над воротами Расёмон кто-то ворует волосы с трупов, — это само по себе казалось непростительным преступлением. Разумеется, он напрочь забыл, что ещё пять минут назад тоже собирался заделаться вором.

Изо всех сил толкнувшись ногами, он одним прыжком взлетел наверх и, схватившись за рукоять меча, предстал перед старухой. Та от неожиданности отшатнулась, распрямившись с быстротой спущенной тетивы.

— Стой! Куда? — прикрикнул он, преграждая ей путь: старуха в панике бросилась бежать и споткнулась о труп. Она попыталась было оттолкнуть слугу, но тот крепко схватил её, отказываясь отпустить. Некоторое время они молча боролись, окружённые мёртвыми телами. Однако исход схватки был предрешён. Слуга вывернул старухе руку — тонкую, будто цыплячья нога, лишь кожа да кости.

— Ты что тут делала? Отвечай, не то тебе конец! — Он выпустил пленницу и, одним махом выхватив меч из ножен, сунул блестящий клинок ей под нос. Старуха не издала ни звука — руки у неё дрожали, плечи ходили ходуном от частого дыхания, глаза едва не вылезали из орбит, но она продолжала упрямо молчать, будто утратила дар речи. Глядя на неё, слуга вдруг осознал, что её жизнь сейчас полностью в его руках, — и от этого ненависть, столь яростно пылавшая в груди, приутихла, осталось только спокойное, горделивое удовлетворение, какое бывает, когда справишься с работой. Нависая над старухой, он обратился к ней помягче:

— Я не из городской стражи, я просто путник, который проходил мимо ворот. Связывать тебя не

буду, ничего тебе не сделаю. Просто скажи, что ты делала в такой час здесь, над воротами.

Старуха ещё шире распахнула покрасневшие глаза, пристально, будто хищная птица, вглядываясь в лицо слуги, и, наконец, зашевелила тонкими губами, похожими на ещё одну морщину, вытянувшуюся под носом. В тонком горле заходил острый кадык. Хриплый голос напоминал воронье карканье:

— Волосы, волосы выдирала. Волосы на парики.

Ответ слугу разочаровал, оказавшись неожиданно обыденным. Но вместе с разочарованием в нём вспыхнула угасшая ненависть. Видимо, старуха тоже что-то почувствовала, потому что, сжимая в руках длинные пряди волос, которые успела надёргать, по-жабьи заквакала:

— Может, и плохо — волосы рвать у мертвецов. Да только здесь такие мертвецы, что их не зазорно и обобрать. Вот эта, чьи космы, резала змею на куски длиной с ладонь и ходила к дворцовой охране продавать вместо сушёной рыбы. Если б не померла от чумы, до сих пор бы продавала. Хотя, если уж на то пошло, все её рыбу хвалили, стражники подчистую раскупали. По мне так она ничего дурного не делала. Деваться ей было некуда, а то бы от голода окочурилась. Значит, и я ничего дурного не делаю. Тут ведь либо так, либо голодная смерть. Торговка хорошо это знала — глядишь, и простит меня.

Слуга слушал её холодно, убрав меч обратно в ножны и держа левую руку на рукояти — правой-то он вновь принялся ковырять красный, налитый гноем прыщ на щеке. Но, пока он слушал, в сердце у него крепла решимость, которой не хватало прежде, когда он сидел внизу, под воротами. Теперь он чув-

ствовал себя храбрым — только это была совсем не та храбрость, с которой он поднялся сюда и поймал старуху. Он больше не колебался: умереть от голода или стать вором? Нет, теперь и мысли о голодной смерти не возникало — не в чем тут было сомневаться.

— А и верно, — ухмыльнулся он, дослушав речь старой женщины. Вдруг оторвав руку от щеки, он быстро шагнул вперёд и крепко схватил пленницу за воротник: — Ну, тогда и на мне нет греха, если я поддамся в грабители, не то с голоду ведь помру.

С этими словами он молниеносно сорвал со старухи кимоно. Та попыталась было вцепиться ему в ногу, но он с силой пнул её, и она упала на трупы. От лестницы слугу отделяло лишь пять шагов. Зажав под мышкой старухино коричневое кимоно, он мгновенно сбежал по крутым ступеням и скрылся в ночи.

Какое-то время старуха лежала, как мёртвая, но в конце концов её обнажённое тело медленно поднялось над другими телами. Охая и что-то бормоча, она в свете ещё горевшей лучины подползла к лестнице и оттуда, свесив короткие седые космы, взгляделась во тьму под воротами. Но мрак снаружи был непроницаемым, как в пещере.

Что случилось дальше со слугой, никому не известно.

Сентябрь 1915 г.